

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ПРИЗНАК» В
СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И
УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Тогаева Умида Омоновна,

магистрант по специальности 70230101

Лингвистика (русский язык) университета Турон

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ лексико-семантического поля (ЛСП) «Признак» на материале русского и узбекского языков. Автор исследует структурную организацию данного поля, выявляя как общие когнитивные стратегии категоризации действительности, так и типологические различия в способах вербализации признаков значений. Особое внимание уделяется дихотомии флективного и агглютинативного строев, определяющей механизмы деривации и функционирования прилагательных. В работе анализируются способы расширения семантики признака через периферийные элементы (причастия и аффиксальные конструкции), а также рассматривается явление функционально-семантической асимметрии языковых знаков. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что при единстве когнитивных основ, узбекский язык демонстрирует большую синтаксическую гибкость и морфологическую емкость в передаче качественных характеристик по сравнению с русским языком. Статья носит теоретический характер и может быть полезна для дальнейших исследований в области сопоставительной типологии и лингвокультурологии.

Ключевые слова: категория признака, русский язык, узбекский язык, сопоставительная лингвистика, агглютинация, флексия, атрибутивные конструкции.

Введение

Категория признака является фундаментальной универсалией человеческого мышления, отражающей способность сознания классифицировать объекты окружающего мира по их качественным, количественным, пространственным, временным и реляционным характеристикам. Язык, как инструмент концептуализации действительности, фиксирует эти характеристики через систему лексем, объединяемых в лексико-семантические поля.

В русском языке, относящемся к индоевропейской семье, и узбекском языке, представляющем тюркскую семью, способы вербализации признака имеют как глубокие типологические различия, обусловленные грамматическим строем

(флективность против агглютинации), так и общие когнитивные основания, продиктованные сходством человеческого восприятия. Сопоставительное изучение этих языков открывает перспективы для выявления того, как универсальные смыслы «одеваются» в специфические национальные формы. Изучение лексико-семантического поля (ЛСП) «Признак» в сопоставительном аспекте позволяет глубже понять специфику языковой картины мира двух народов, механизмы категоризации действительности и те лакуны, которые возникают при переводе признаковых значений с одного языка на другой. Данная работа направлена на выявление закономерностей, определяющих организацию признаковой лексики и способов её функционирования в коммуникативном пространстве обеих лингвокультур.

Лексико-семантическое поле «Признак» обладает сложной иерархической структурой, включающей в себя ядерные компоненты, ближайшую периферию и дальнюю периферию. Ядром поля традиционно выступают качественные прилагательные, способные к градации (степени сравнения), обладающие развитыми антонимическими и синонимическими связями. Эти лексемы наиболее полно и непосредственно выражают «чистый» признак, отвлеченный от субстанции.

Как справедливо отмечает лингвист А.В. Бондарко, признак — это не просто грамматический класс, а содержательная категория:

«Категориальный признак имени прилагательного заключается в том, что оно выражает признак не в процессе, а как некое постоянное или временное свойство, отвлеченное от времени» (Бондарко, с. 142).

Организация этого поля в русском и узбекском языках демонстрирует существенные различия в механизмах репрезентации. В русском языке ядро поля представлено развитой системой словообразовательных суффиксов (например, краси-в-ый, син-еват-ый), которые позволяют тонко дифференцировать нюансы качества.

В узбекском языке лексикализация признака происходит несколько иначе: здесь он часто реализуется через агглютинативные показатели (например, словообразовательные аффиксы -ли/-сиз) или аналитические конструкции, где само определение часто функционально уподобляется существительному. В узбекской лингвистической традиции именные лексемы со значением признака демонстрируют высокую степень устойчивости: они не всегда требуют морфологического согласования с определяемым словом, сохраняя свои формы в различных синтаксических позициях. Это приводит к тому, что границы между собственно прилагательными и другими частями речи в узбекском языке зачастую являются более проницаемыми, чем в русском, где морфологическая парадигма прилагательного строго регламентирована системой флексий. Таким образом, если для русского языка

характерен «морфологический акцент» при передаче признака, то для узбекского – семантико-синтаксический, что и создает уникальный ландшафт лексико-семантического поля «Признак» в каждом из языков.

При сопоставлении русского и узбекского языков обнаруживается фундаментальная типологическая дихотомия, определяющая способы деривации и функционирования признаков слов. Русский язык как представитель флективного строя характеризуется развитой системой грамматических категорий: прилагательное обладает жесткой морфологической оформленностью, выражающейся в обязательном согласовании с существительным в роде, числе и падеже. Данная синтаксическая связь обеспечивает четкую маркированность атрибутивных отношений, где грамматическая форма прилагательного «привязывается» к форме определяемого слова. В противовес этому, узбекский язык, демонстрирующий классические черты агглютинативного строя, использует иные механизмы. Прилагательное в узбекском языке, как правило, остается неизменяемым при выполнении атрибутивной функции – оно не склоняется и не согласуется с определяемым именем ни в числе, ни в падеже, что придает его структуре определенную «статичность» и лаконичность.

Особенности семантической наполняемости признаков лексем в тюркских языках подчеркивал Н.А. Баскаков: «Для тюркских языков, включая узбекский, характерно отсутствие жесткой границы между качественным прилагательным и наречием, так как признак в них часто представлен в нерасчлененном единстве процесса и качества» (Баскаков, с. 88). Это глубокое наблюдение подтверждается тем, что многие узбекские прилагательные обладают высокой степенью функциональной пластичности: они могут легко субстантивироваться или переходить в разряд наречий, не претерпевая при этом никаких морфологических изменений (конверсия). В русском же языке подобный переход требует обязательной адаптации – либо через изменение окончаний (например, при субстантивации: больной человек – больной), либо через словообразовательные процессы. Таким образом, узбекский язык демонстрирует «синтаксический» путь выражения признака, где роль лексемы определяется её местом в предложении, в то время как русский язык опирается на строгую морфологическую маркировку каждого компонента высказывания.

Сравнительный анализ лексических систем показывает, что способы дробления и классификации признаков могут существенно различаться, отражая уникальные ментальные фильтры каждой культуры. Это особенно заметно на примере цветообозначений. В узбекском языке исторически сложилась иная иерархия цветовых категорий, где концепт «кўк» занимает центральное место, объединяя в себе значения синего, зеленого, голубого и даже серого цветов. Это не свидетельствует об отсутствии

цветовосприятия, а указывает на иную степень дифференциации признака: если в русском языке «синий» и «зеленый» – это разные когнитивные сегменты, то в узбекской языковой картине мира они могут мыслиться как варианты одного природного концепта, связанного с цветом неба и растительности.

Исследователь А.Н. Тихонов указывает на важность контекстуальной обусловленности признаков значений: «Лексическое значение слова-признака реализуется только в системе связей с определяемым словом, образуя вторичные, ситуативные смыслы, которые в сопоставляемых языках могут не совпадать» (Тихонов, с. 56). Действительно, переводческие трансформации часто выявляют «семантическую асимметрию». Прямой словарный эквивалент прилагательного в узбекском языке зачастую оказывается недостаточно емким для передачи всех коннотаций русского оригинала. В таких ситуациях переводчик вынужден прибегать к описательным конструкциям или метафорическим перифразам, чтобы восполнить недостающие смысловые оттенки. Это доказывает, что признак в обоих языках – это не просто статичная характеристика объекта, а динамический концепт, который «оживает» и приобретает свои уникальные очертания лишь в живой ткани конкретного высказывания, в зависимости от культурного контекста и прагматических задач говорящего.

Важным и наиболее динамичным участком лексико-семантического поля «Признак» является его периферия, представленная причастиями, отыменными прилагательными, а также различными адъективными конструкциями. В отличие от ядра, где господствуют качественные прилагательные, периферия активно взаимодействует с глагольной и субстантивной зонами лексики, постоянно расширяя возможности описания свойств объекта.

Особого внимания заслуживает роль причастий в узбекском языке. В силу агглютинативной природы, узбекский язык использует причастные формы не только для передачи процессуального признака, но и для образования устойчивых адъективных значений, которые по своим функциям зачастую превосходят возможности русского языка. Узбекский язык демонстрирует исключительную продуктивность в использовании аффиксов -ли (обладание признаком, наличие качества) и -сиз (отсутствие признака, лишенность качества). Эти морфемы образуют мощный пласт прилагательных, охватывающий практически любую категорию существительных. В русском языке аналогичные значения часто передаются либо сложными словообразовательными суффиксами (типа -ист-, -лив-, -н-), либо синтаксически – с помощью конструкций с предлогами «с» или «без». Узбекская

модель -ли/-сиз является более универсальной, компактной и регулярной, что позволяет говорящему мгновенно «присвоить» любому предмету любой признак.

С точки зрения сравнительной типологии, как отмечал В.Г. Гак, любое межъязыковое сопоставление неизбежно сталкивается с феноменом неравенства языковых систем: «Асимметрия языковых знаков – это закономерность, при которой план содержания одного языка не имеет полного соответствия в плане выражения другого, что заставляет языки искать компенсаторные механизмы» (Гак, с. 110).

В контексте нашего исследования это означает, что один признак, зафиксированный в русском языке, может либо дробиться на несколько узбекских лексем (в зависимости от нюансов качества), либо, наоборот, синтезироваться в одну сложную агглютинативную форму. Такая асимметрия требует от исследователя внимательного подхода к выявлению функциональных эквивалентов, а не просто словарных соответствий.

Заключение

Сопоставительное изучение лексико-семантического поля «Признак» позволяет констатировать, что, несмотря на коренные различия в грамматическом строе – флективный русский и агглютинативный узбекский – оба языка демонстрируют поразительно сходные когнитивные стратегии категоризации реальности. Мир качеств и свойств осознается носителями обоих языков как необходимый инструмент упорядочивания хаотичных впечатлений.

Тем не менее, пути вербализации этих качеств различны. В то время как русский язык тяготеет к морфологической фиксации качества через строгую систему прилагательных с развитой парадигмой согласования, узбекский язык отдает предпочтение синтаксической гибкости, конверсии и агглютинативной емкости. Это позволяет узбекскому языку передавать признак через тесное взаимодействие с субстантивными и процессуальными элементами, создавая более «подвижную» структуру лексического поля. Дальнейшее исследование данного направления представляется перспективным в области изучения эмоционально-оценочных признаков, где узбекский язык обнаруживает уникальную специфику метафоризации, основанную на традиционных образах и культурологических ассоциациях, требующих глубокого этнолингвистического анализа.

Список использованной литературы:

Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. — М.: Высшая школа, 1969. — 384 с.

Бондарко А.В. Теория морфологических категорий (основы иерархии категорий). — Л.: Наука, 1976. — 256 с.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). — М.: Международные отношения, 1977. — 264 с.

Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словаря русского языка. — М.: Просвещение, 1971. — 210 с.

Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1957. — С. 63-84.

Юлдашев А.А. Система словообразования имен прилагательных в тюркских языках Южно-Сибирского типа. — М.: Наука, 1972. — 186 с.